

298

МАХАУ.

Н. В. Дмитриовскаго.

1881.

Ташкентъ.

152

298

Изъ Туркест. Вѣдом. 1881 г., №№ 6 и 7.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-НАРОДНАГО
УПРАВЛЕНІЯ.

Въ теченіе тринадцатилѣтней жизни въ г. Ташкентѣ я наслушался такихъ странныхъ разсказовъ о Махау, послѣ которыхъ поѣздка въ кишлакъ, носящій это имя, стала представляться для меня особенно интересною. Одни говорили, что кишлакъ Махау населенъ прокаженными; другіе же рассказывали, что кишлакъ Махау населенъ исключительно сифилитиками; что сифилисъ у махау—наслѣдственный, переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе и никакому леченію не поддающійся; что жители Махау никакого общенія съ остальнымъ міромъ живыхъ людей не имѣютъ и ведутъ совершенно особую жизнь, обусловленную тѣмъ несчастнымъ соціальнымъ положеніемъ, въ которое, съ незапамятныхъ временъ, поставила ихъ судьба; что сифилитики-мужчины женятся и могутъ жениться только на сифилитикахъ-женщинахъ и что отъ этихъ браковъ, — что само-собою понятно, — происходятъ дѣти, въ корень зараженные сифилисомъ и передающія, въ свою очередь, эту болѣзнь слѣдующему за ними потомству. Нѣкоторые говорили, что махау представляютъ собою особый типъ, складывавшійся постепенно, подъ вліяніемъ измѣненій,

которыя производилъ въ ихъ организмѣ потомственно переходившій сифилисъ, — типъ, образовывавшійся въ теченіе жизни нѣсколькихъ поколѣній. Рисуя махау, рассказчики старались изобразить ихъ такими красками, отъ которыхъ непривычнаго человѣка коробило: на первомъ планѣ фигурировали провалившіеся носы, отсутствіе зубовъ, злокачественныя язвы на тѣлѣ, и т. п. Весьма естественно, что, послѣ такихъ рассказовъ, я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе интересовался махаунами и ихъ замкнутою жизнію и, не смотря на отвращеніе, возбужденное во мнѣ рассказами про нихъ, я рѣшился воспользоваться приглашеніемъ начальника г. Ташкента, полковника Пукалова — посѣтить кишлакъ Махау, куда онъ отправлялся, по приказанію г. Главнаго Начальника края, для передачи обитателямъ этого кишлака денежнаго пособія.

М. П. Пукаловъ пригласилъ поѣхать съ нимъ, кромѣ меня, еще слѣдующихъ лицъ: помощника свсего, капитана Сунаргулова, отличнаго знатока мѣстныхъ нарѣчій и обычаевъ, члена городской управы Н. К. Тюменцева, городского врача Х. А. Батыршина, переводчика своего татарина Хаснутдина Хайрутдинова и мѣстнаго аксакала.

20-го октября, въ 9 час. утра, мы собрались въ квартирѣ М. П. Пукалова и отту-

да двинулись въ путь. Я и врачъ Батыршинъ поѣхали въ экипажѣ, а остальные лица—верхомъ. Доѣхавъ до дачи генералъ-губернатора, мы съ врачомъ Батыршинымъ повернули въ первую улицу на-лѣво и, проѣхавъ около полуверсты между садами, добрались до кожевеннаго завода купца Тезикова, стоящаго на правомъ берегу рѣки Салара. Въѣхавъ въ заводскія ворота, мы спустились въ названную рѣку, имѣющую въ этомъ мѣстѣ нѣсколько изгибовъ, и, проѣхавъ частію по водѣ, частію по берегу рѣки около 150 сажень, выѣхали на прибрежную площадку, примыкающую съ одной стороны къ Салару, а съ остальныхъ трехъ сторонъ окаймленную рядами таловыхъ деревьевъ, разбросанныхъ по окраинамъ площади. Спутниковъ нашихъ, выѣхавшихъ изъ города нѣсколькими минутами позже насъ и направившихся другою, болѣе прямою дорогою, благодаря которой имъ не пришлось переѣзжать Саларъ нѣсколько разъ, мы увидали на описанной площадкѣ, разговаривающими съ какими-то сартами. Подходя къ этой группѣ, я спросилъ врача Батыршина:

— Гдѣ-же Махау?

— А вотъ это и есть кишлакъ Махау, отвѣтилъ мнѣ Х. А. Батыршинъ, указывая на стоявшую невдалекѣ глиняную постройку.

154

Слово *кишлакъ* имѣетъ въ Средней Азіи два значенія: у киргизъ этимъ именемъ называется зимовка, т. е. нѣсколько стоящихъ въ степи глиняныхъ мазанокъ, въ которыя они укрываются, иногда со своимъ скотомъ, въ холодное время года; у сартовъ же *кишлакомъ* называется поселокъ, состоящій изъ большаго или меньшаго числа домовъ или сакель, въ которомъ есть и улицы, и отдѣльные при каждомъ домѣ дворы, и сады. Ни одного изъ этихъ признаковъ я не нашелъ въ томъ, что, при приближеніи къ Махау, представилось моимъ глазамъ. Предо мною была такъ-называемая *курганча* ⁽¹⁾, т. е. построенный изъ глины, почти квадратный дворъ, стѣны котораго имѣли сажени три съ половиною въ вышину, а внутреннее пространство равнялось, приблизительно, саженьямъ двумъ-стамъ. Эта курганча и есть тотъ *кишлакъ* *Махау* или, какъ называютъ ташкентскіе сарты, *Махау-кишлакъ*, въ которомъ обитаютъ, изолированные отъ остальнаго міра, прокаженные, многими изъ русскихъ считаемые за сифилитиковъ.

Занимаемая прокаженными курганча находится въ очень живописной мѣстности:

⁽¹⁾ *Курганча* буквально значитъ: „укрѣпленное, огороженное мѣсто, маленькое укрѣпленіе“.

съ одной стороны, саженьяхъ въ пятидесяти отъ зданія, течеть рѣка Саларъ, за которою виднѣются расположенныя весьма живописно группы кустарниковъ, а съ остальныхъ трехъ разбросано нѣсколько деревьевъ. Курганча, открытая со всѣхъ сторонъ, расположена на возвышенной площади, сажени полторы надъ уровнемъ рѣки. Площадь эта, насколько могъ видѣть глазъ, совершенно ровная. На ней, какъ я сказалъ уже, растеть нѣсколько таловыхъ деревьевъ, большая часть которыхъ группируется по окраинамъ площади, замыкая, такъ-сказать, пространство, находящееся въ распоряженіи прокаженныхъ.

Поднимаясь съ Х. А. Батыршинымъ отъ Салара къ курганчѣ, мы увидѣли, что полковникъ Пукаловъ, окруженный сопровождавшими его лицами, разговариваетъ съ какими-то сартами, которыхъ стояло передъ нимъ человѣкъ 15—20. Сначала я не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, думая, что къ начальнику города явились жители окрестныхъ мѣстъ, съ какими-нибудь просьбами, и, только подойдя ближе къ группѣ разговаривавшихъ, я увидѣлъ, что предъ М. П. Пукаловымъ стояли люди, для ознакомленія съ которыми я пожелалъ сопутствовать ему.

Первое впечатлѣніе, произведенное на

меня видомъ этихъ людей, совершенно обмануло тѣ ожиданія, съ которыми я ѣхалъ въ Махау: предъ нами стояли блѣдно одѣтые въ обыкновенный костюмъ сарты, съ нѣсколько странными, правда, лицами, но не такіе страшные и изуродованные, какъ про нихъ рассказывали: ни провалившихся носовъ, ни гангренознаго вида ранъ на лицахъ этихъ людей не оказалось. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ блѣдный, болѣзненный цвѣтъ кожи на открытыхъ частяхъ тѣла, съ красноватыми пятнами, не особенно пріятными на видъ; у другихъ, напротивъ, всѣ незакрывающіяся части головы и лица представляются блѣднокрасными, съ пятнами сѣроватаго цвѣта. Почти всѣ обитатели курганчи—безбровы, т. е. части лица, на которыхъ должны быть брови, у нихъ совершенно голы. Ни одного, нормально сложеннаго носа, мы не замѣтили у нихъ: у всѣхъ носы вдавлены внутрь или же имѣютъ другія ненормальныя уклоненія отъ обще-сартовскаго типа.

— Генералъ-губернаторъ, сказалъ полковникъ Пукаловъ, обращаясь къ прокаженному, прислалъ вамъ сто рублей, на ваши нужды.

— Благодаримъ васъ, нашъ начальникъ, отвѣтили махауны, наклонивъ головы.

— Сколько васъ живетъ въ этой курганчѣ?

Переводчикъ Хайрутдиновъ, переговоривъ съ прокаженными, передалъ начальнику города, что въ настоящее время въ кишлакъ Махау находится всего 52 человекъ: 30 мужчинъ и 22 женщины.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ начальника города съ прокаженными выяснилось, что изъ 52 человекъ мужчинъ и женщинъ переселились въ Махау въ разное время:

Изъ Ташкента	)	мужчинъ	5 чел.
	)	женщинъ	2 —
Изъ Курамин-	)	мужчинъ	25 —
скаго уѣзда	)	женщинъ	20 —

Изъ 20 кураминокъ пришли въ Махау: изъ Чиназа—2, изъ Чинабада — 2 и Зицгатовъ —2, а остальные 14 переселились изъ другихъ мѣстностей Кураминскаго уѣзда, изъ какихъ именно—я не могъ узнать.

Изъ 30 мужчинъ живутъ съ своими женами, также махау, 20 человекъ; остальные 10 холосты.

Всѣ, обитающіе въ Махау, женщины—замужнія, и такъ какъ число ихъ превышаетъ число женатыхъ махау на двѣ, то надо полагать, что эти двѣ женщины имѣютъ мужей, не одержимыхъ проказою, и заболѣли уже послѣ выхода въ замужество, почему и вынуждены были переселиться въ Махау, къ своимъ товаркамъ по несчастію.

— Чѣмъ вы живете? спросилъ началь-

156

никъ города стоявшую передъ нимъ толпу махау.

— Кромѣ подавній, собираемыхъ въ сартовскомъ Ташкентѣ, мы ничего не имѣемъ для пропитанія, отвѣтили махау.

— Улучшится-ли ваше матеріальное положеніе, если я исходатайствую у генераль-губернатора, въ полное ваше распоряженіе, нѣсколько десятинъ земли, засѣвая которую хлѣбомъ вы могли-бы добывать средства къ существованію, не прибѣгая къ собиранію милостыни?

— Нѣтъ, земли намъ не надо, отвѣтили махау. Мы такъ слабосильны, что работать не можемъ. Съ насъ довольно и той земли, которую имѣемъ.

Докторъ Батыршинъ подтвердилъ, что проказа, которою поражены махау, дѣйствительно такая болѣзнь, что одержимый ею человѣкъ не въ состояніи исполнять тяжелыхъ работъ, требующихъ большой физической силы.

Затѣмъ, изъ разспросовъ выяснилось, что мѣстность, среди которой находится курганъ Махау, состоитъ въ полномъ ихъ распоряженіи. Насколько могъ видѣть глазъ, мѣстность эта равняется пяти-шести десятинамъ. Махау сѣютъ на ней только клеверъ. Для прокорма лошадей и коровы снимаемаго съ земли клевера совершенно

достаточно. Сколько содержится ими лошадей, я не успѣлъ узнать; помню только, что въ средствахъ для перевозки чего либо и для собственнаго передвиженія они не нуждаются. Корова же у махау одна на всѣхъ обитателей курганчи. Получаемое отъ нея молоко идетъ на изготовленіе крута (мѣстнаго сыра).

— Какъ относятся къ махау сарты, у которыхъ они выпрашиваютъ даянія, т. е. охотно-ли даютъ имъ милостыню? спросилъ начальникъ города стоявшаго позади него аксакала Бишъ-агачской части.

— Вообще говоря, сказалъ аксакаль, махау, благодаря подаяніямъ, не только не бѣдствуютъ, а, напротивъ, живутъ значительно лучше многихъ небогатыхъ сартовъ, снискивающихъ средства къ жизни трудомъ, и несомнѣнно богаче тѣхъ байгушей сартовскаго города, единственнымъ ресурсомъ существованія которыхъ служитъ тяжелый подневный трудъ, дающій имъ, и то не ежедневно, отъ 30 до 50 коп. въ день. Впрочемъ не всѣ сарты, къ которымъ махау прибѣгаютъ за пособіями въ видѣ милостыни, подаютъ ее охотно, и такое отношеніе подающихъ къ просящимъ обуславливается не столько скупостью, сколько отвращеніемъ первыхъ къ послѣднимъ и страхомъ заразиться отъ нихъ; но махау эксплуатиру-

ютъ этотъ страхъ и, пользуясь своимъ положеніемъ, т. е. тѣмъ, что они—*прокаженные*, добываютъ себѣ подаяніе слѣдующимъ нехитрымъ способомъ: положимъ, напримеръ, махау нужно добыть нѣсколько фунтовъ хлѣбныхъ зеренъ; онъ отправляется въ поле, во время провѣванія или очистки сѣмянъ отъ пыли, и къ занимающемуся этою операціей обращается за милостыней, прося удѣлить ему небольшую долю урожая. Въ большинствѣ случаевъ желаніе просящаго исполняется и онъ уходитъ не съ пустыми руками; но если работающій на пашнѣ, не желая имѣть никакихъ сношеній съ прокаженнымъ, въ подаяніи милостыни откажетъ, то махау запуститъ въ зерна свою руку, даже только прикоснется до нихъ—и дѣло его выиграно: владѣлецъ зеренъ бросаетъ ихъ и, не будучи въ состояніи побороть своего отвращенія къ прокаженному, оставляетъ ихъ въ полномъ его распоряженіи. Такимъ же образомъ махау поступаютъ и съ другими предметами въ случаѣ отказа въ подаяніи, т. е. прикасаются къ нимъ руками—и получаютъ то, что желаетъ. Конечно, такіе случаи бываютъ рѣдки, такъ какъ прибѣгать къ этому способу добыванія не всегда безопасно, но все-таки онъ иногда практикуется.

Д—ръ Батыршинъ, къ которому началь-

никъ города обратился за разъясненіемъ вопроса: заразительна-ли проказа и о степени вреда отъ непосредственнаго соприкосновенія съ прокаженными, сказалъ, что боязнь туземцевъ не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ прикосновеніе къ махау или къ принадлежащимъ ему вещамъ не опасно, и только совокупленіе съ зараженнымъ субъектомъ можетъ передать болѣзнь отъ больного къ здоровому.

Начальникъ города объявилъ махау, что онъ проситъ ихъ ограничиваться при испрошеніи милостыни добровольными подаяніями и строго воспрещаетъ прибѣгать, для добыванія жизненныхъ средствъ, къ насильственнымъ мѣрамъ, о которыхъ говорилъ бишъ-агачскій аксакаль.—Я увѣренъ, сказалъ полковникъ Пукаловъ, что туземцы не откажутся помогать вамъ по мѣрѣ возможности, какъ дѣлаютъ это и теперь, и вы не будете имѣть поводовъ жаловаться на то, что они относятся къ вашему положенію несочувственно.

— Теперь, господа, не желаете ли посмотреть на жилище махау?—обратился М. П. Пукаловъ къ сопровождавшимъ его лицамъ, приглашая ихъ послѣдовать вмѣстѣ съ собою въ Махау-кишлакъ или, правильнѣе, въ Махау-курганчу.

Принявъ это приглашеніе, мы направи-

158

лись, вслѣдъ за начальникомъ города и въ сопровожденіи махау, въ жилища ихъ, находящіяся въ упомянутой выше курганчѣ. Черезъ ворота, выходящія на сѣверную сторону, настолько широкія, что въ нихъ можетъ свободно проѣхать арба, мы вошли въ курганчу Махау, со всѣхъ сторонъ окруженную небольшимъ рвомъ, отчасти заваленнымъ навозомъ и разнымъ мусоромъ. Зная, до какой степени небрежно содержатся сартовскіе дворы, особенно тѣ, на которыхъ живетъ много народа, лошадей и верблюдовъ, я думалъ, что и въ Махау-курганчѣ, вмѣщающей въ себѣ болѣе 50 человѣкъ и нѣсколько лошадей, я встрѣчу такую же непролазную грязь, смѣшанную съ изверженіями животныхъ, какую мнѣ довелось не однажды видѣть въ караванъ-сараяхъ или постоянныхъ дворахъ азійской части г. Ташкента, и такой же убійственный воздухъ, какимъ дышатъ останавливающіеся на этихъ дворахъ и отъ котораго непривычный человѣкъ можетъ упасть въ обморокъ; но—я ошибся: несмотря на небольшое пространство, занимаемое дворомъ курганчи, на немъ не было особенной грязи, а воздухъ былъ совершенно чистый. Если бы не навозная яма по срединѣ двора, впрочемъ не издающая никакого запаха, то дворъ этотъ можно было бы признать

содержащимся довольно чисто. Къ стѣнамъ курганчи, съ внутренней ихъ стороны, пристроены небольшія комнаты, похожія на лавки сартовскаго базарчика, т. е. глиняныя мазанки съ дверями, но безъ оконъ: свѣтъ получается чрезъ небольшія отверстія, пробитыя по сторонамъ дверей. По приказанію полковника Пукалова, пожелавшаго ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ жилищъ махау, одно изъ нихъ было открыто и, въ отворенную дверь, мы увидѣли разостланную на земляномъ полу (нѣсколько возвышенномъ надъ уровнемъ дворовой площади) циновку, покрытую бѣднымъ сартовскимъ ватымъ одѣяломъ, а въ головахъ, вмѣсто подушки, свернутый халатъ, вѣроятно уже отслужившій свой срокъ и ни на что другое болѣе негодный. На стѣнѣ висѣли два или три ташъ-кавака (¹). Вотъ и все убранство жилища бѣднаго и несчастнаго махау, обиженнаго судьбою и презираемаго людьми....

Полковникъ Пукаловъ выразилъ желаніе видѣть женщинъ-махау,—и вотъ въ глуби-

(¹) Ташъ-кавакомъ называется особый родъ тыквы, употребляемой для сосудовъ въ родѣ нашихъ кувшиновъ. Тыква имѣетъ два вида и два названія: ашъ-кавакъ (буквально—пища-тыква) и ташъ-кавакъ (буквально—камень-тыква).

159

нѣ двора выстроились въ рядъ всѣ, находившіяся на лицо, бѣдно-одѣтыя женщины, человѣкъ пятнадцать. Весьма рѣдко, въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, сартянки сбрасываютъ съ лицъ свои покрывала (волосыяя сѣтки). Я видѣлъ открытыхъ сартянокъ только во время засѣданій общаго присутствія Сыръ - дарьинскаго областного правленія, при разбирательствѣ исковыхъ дѣлъ; но и тогда онѣ старались открывать только одну сторону лица, обращенную къ суду, а другую сторону, съ которой находились стоявшіе предъ судомъ переводчикъ и сарты, старались держать закрытою или же поворачивались къ нимъ полубокомъ. Открывая свои лица предъ судомъ, сартянки дѣлали это не по собственному желанію, а по требованію предсѣдателя, находившаго—и весьма основательно—неудобнымъ допрашивать закрытыхъ истицъ или свидѣтельницъ. Къ удивленію моему, женщины-махау престоупили этотъ обычай и явились предъ начальникомъ города съ открытыми лицами, такими же уродливыми, какъ и у махау-мужчинъ. У махау - женщинъ бросались въ глаза также прежде всего блѣдныя лица, у большей части покрытыя лишаями, и вдавленные носы. Большинство женщинъ были среднихъ лѣтъ, а нѣкоторыя даже молодые. Двумъ изъ нихъ, обратившимъ на се-

бя вниманіе начальника города своею малорослостью, было, какъ оказалось по разспросамъ, лѣтъ по пятнадцати, хотя на видъ онѣ и представлялись чуть не старухами.

Махау, неизвѣстно почему, не держатъ артельного хозяйства, что, казалось-бы, для нихъ было удобнѣе и выгоднѣе, а каждая семья довольствуется особнякомъ: кто больше добываетъ, тому лучше и живется. Удовлетворяются и духовныя потребности махау: у нихъ, для отправленія богослуженія, есть свой имамъ, прокаженный же. Затѣмъ мы узнали, что махау содержатъ двухъ караульщиковъ (не изъ прокаженныхъ). При томъ отвращеніи, которое и сарты и не-сарты питаютъ къ прокаженнымъ, и при видимой бѣдности этихъ несчастныхъ, вынуждающей ихъ существовать подавнїями, трудно понять: чего эти люди опасаются и что они оберегаютъ?

Установившееся въ Ташкентѣ, между русскими, мнѣніе, что прокаженные рождаются въ Махау-кишлакѣ и тамъ же производятъ себѣ подобныхъ, распространяя такимъ образомъ проказу на слѣдующія поколѣнія—не подтвердилось, ибо у махау, какъ оказалось по разспросамъ полковника Пукалова, дѣтей нѣтъ и не рождается. Проказа, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ именно причинъ, появляется на отдѣльных индиви-

дуумахъ въ средѣ совершенно здоровыхъ людей и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нѣтъ повода считать находящимися въ особенно-дурныхъ санитарныхъ условіяхъ. Появившагося съ признаками проказы больного общество выгоняетъ изъ своей среды, и онъ уходитъ къ своимъ собратьямъ по несчастію—въ Махау, доживать свой печальный вѣкъ,—уходитъ безвозвратно, ибо проказа неизлечима.

Оставляя кишлакъ Махау, я спросилъ одного изъ сопровождавшихъ начальника города должностныхъ лицъ изъ туземцевъ:

— Гдѣ махау хоронятъ умирающихъ въ кишлакѣ?

— У нихъ есть свое кладбище, за версту отъ кишлака, отвѣтилъ спрошенный.

Намъ показалось чрезвычайно страннымъ отношеніе кишлачныхъ махау къ своимъ собратьямъ, которыхъ общество,—вслѣдствіе ли неясности признаковъ проказы или по какимъ-либо другимъ причинамъ,—еще не признало *махау* и не гонитъ отъ себя. По выходѣ изъ кишлака, аксакалъ рассказалъ намъ, что въ азіятскомъ Ташкентѣ, у двухъ женщинъ, появилась какая-то болѣзнь, похожая на проказу; заболѣвшіе субъекты и близкія къ нимъ лица еще не рѣшили, какая это болѣзнь: *махау* или *не-махау*; между тѣмъ кишлачные махау уже приходили

въ городъ и требовали, чтобы этихъ заболѣвшихъ женщинъ, какъ махау, удалили изъ города и приказали имъ переселиться въ кишлакъ. Желаніе ли холостыхъ махау добыть себѣ женъ или же какая нибудь другая причина играла роль въ этомъ требованіи махау, мы не могли узнать. Такое же отношеніе къ *подозрѣваемымъ* махау, какъ читатель увидитъ ниже, замѣчено д—ромъ Шалыгинымъ ⁽¹⁾ и М. А. Терентьевымъ, долгое время служившимъ въ Туркестанѣ.

Пробывъ въ Махау-кишлакѣ около часа, мы вернулись домой, подъ самыми непріятными впечатлѣніями отъ всего видѣннаго...

Махау-кишлаки или поселки прокаженныхъ, кромѣ Ташкента, существуютъ, сколько извѣстно, въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Маргеланскомъ уѣздѣ—Ферганской области и въ Ходжентскомъ—Сыръ-дарьинской области.

Н. В. Ханыковъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1840 году, нашелъ тамъ двѣ болѣзни, похожія на проказу: *писъ* и *мяхау*. Первую изъ нихъ онъ описалъ такъ: „писъ есть особаго рода проказа, наружныя признаки которой суть: неестественная матовая бѣлизна кожи, которая сначала выходитъ пятномъ на тѣлѣ

⁽¹⁾ Помощникъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора Туркестанскаго военнаго округа.

и потомъ уже, болѣе и болѣе распространяясь, покрываетъ все тѣло; люди, пораженные ею, большею частію сухи и слабы; болѣзнь эта считается заразительною и потому для одержимыхъ ею отведенъ особенный кварталъ въ городѣ, на с. в. сторонѣ онаго, называемый Гузяри-Писавъ; они имѣютъ свои особенныя мечети, базары, бани, училища и вообще живутъ отверженниками въ Бухарѣ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь эта считается божескимъ наказаніемъ; впрочемъ прилипчивость ея не внезапна и можетъ перейти отъ другаго только по довольно долгомъ пребываніи съ нимъ въ одномъ мѣстѣ“. Вторая болѣзнь, т. е. *махау* или, какъ говоритъ Ханыковъ, *мяхау*, „есть особеннаго рода проказа, поражающая наиболѣе шею и верхнія части груди; она обнаруживается опухолями и язвами“ (1).

Въ сочиненіяхъ А. П. Хорошхина также есть нѣсколько строкъ о *махаи-писъ* или небольшихъ поселкахъ прокаженныхъ, въ окрестностяхъ Самарканда. Авторъ говоритъ о нихъ, между прочимъ, слѣдующее: „прокаженные до извѣстнаго возраста, а именно, дѣвушки до 13—14 лѣтъ, а мужчины до 17—18, часто почти ничѣмъ не отличаются

(1) Описаніе Бухарскаго ханства, составленное Н. Ханыковымъ. Спб. 1843. Стр. 50—51.

по паружности отъ прочаго населенія, но потомъ, вступивъ въ супружество, они начинаютъ разлагаться и, хотя производятъ дѣтей, но въ концѣ-концовъ, далеко не доживши до 40 лѣтъ, умираютъ совершенно обезображенные, почти безъ образа человѣческаго (¹).

„Въ 16 верстахъ отъ Маргелана, говоритъ д—ръ Шалыгинъ, лежитъ кишлакъ Махао-мазаръ, пристанище для прокаженныхъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, въ кишлакъ этотъ впервые были выселены одержимые признаками лепры; они были совершенно отчуждены отъ общества и лишены своихъ гражданскихъ правъ. Изъ городскихъ обывателей никто не заглядываетъ въ это тихое пристанище, обитатели котораго вызываются въ городъ, особенно въ базарные дни, для сбора милостыни и для отысканія себѣ подобныхъ страдальцевъ, съ цѣлю завербовыванія ихъ въ свою общину (²).

Въ Ура-тюбинскомъ Махау-кишлакѣ (Ходжентскаго уѣзда), находящемся въ трехъ верстахъ отъ г. Ура-тюбе и состоящемъ изъ семи дворовъ, въ 1870 году, по свидѣтельству

(¹) Сборникъ статей о Туркестанскомъ краѣ А. П. Хорошхина. Сиб. 1876. Стр. 237.

(²) Военно-медицинскій журналъ за 1878 годъ, статья д—ра Шалыгина: „О зобѣ вообще и объ эндемическомъ зобѣ въ Кокандѣ въ особенности“.

М. А. Терентьева, находилось: 15 мужчинъ, 5 женщинъ и двое дѣтей, всего 22 человека⁽¹⁾.

Про ташкентскій Махау-кишлакъ, г. Терентьевъ, въ цитированной статьѣ, говоритъ слѣдующее: „въ трехъ верстахъ отъ Ташкента есть кишлакъ *Махао*, куда сорокъ лѣтъ тому назадъ ⁽²⁾ были выселены всѣ прокаженные, изолированные такимъ образомъ отъ остальнаго общества и лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Кишлакъ этотъ напоминаетъ скитъ: изъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ, окружающихъ четвероугольное пространство, ничего не видно. Внутри къ стѣнамъ прислонены грязныя и темныя кельи. Я посѣщалъ этотъ кишлакъ нѣсколько разъ, посылалъ оттуда больныхъ въ ташкентскій госпиталь (собственно съ цѣлью доставленія врачамъ случая ознакомиться съ болѣзнью), раздавалъ поскорѣе милостыню и торопился уѣхать. Видъ ужасный. Ни одинъ туземецъ добромъ сюда не заглянетъ, и мой проводникъ и старшина сосѣдняго кишлака старались оставаться внѣ прибѣжища махаоновъ, въ окружающемъ его саду. Все населеніе кишлака Ма-

(¹) Вѣстникъ Европы за 1875 годъ, статья М. А. Терентьева: „Туркестанъ и туркестанцы“.

(²) Статья г. Терентьева напечатана въ 1875 году.

хао состоитъ изъ 31 души; они влачатъ свое горькое существованіе, питаюсь милостынею, производя на свѣтъ такихъ же горемыкъ, пораженныхъ проказою иногда со дня рожденія. Въ 1869 году между махаонами было 29 взрослыхъ, пораженныхъ въ разной степени: почти всѣ они были покрыты злокачественною сыпью; у 12 человѣкъ уничтожены носовые хрящи, причемъ у 5 человѣкъ уничтожены также мягкое нѣбо и язычокъ... У двоихъ поражены и глаза... Затѣмъ одинъ съ трудомъ раскрывалъ ротъ, вслѣдствіе рубцовъ на лицѣ, у другаго была большая язва на ногѣ, у третьяго — пальцы сведены на рукахъ и ногахъ. Кроме того, у четырехъ человѣкъ отпали пальцы на конечностяхъ и наконецъ у одной женщины отвалилась вся стопа. Общіе признаки махао таковы: кромѣ изуродованій на лицѣ (рубцы, язвы, шишки, отсутствіе носовыхъ хрящей, пораженіе глазъ и проч.) и пораженій нѣба, гортани и язычка, все тѣло больного, и въ особенности конечности, покрыты сыпью (psoriasis) съ атрофіей мускуловъ, худосочными язвами, сведеніями и искривленіями пальцевъ, а иногда и совершеннымъ отпаденіемъ ихъ. Уѣздный врачъ опредѣлилъ болѣзнь сифилисомъ, осложненнымъ цынгою. Такъ смотрятъ и нѣкоторые другіе“.

163

Далѣе, приводя изъ сочиненія д—ра Ши-
мановскаго: «Операціи на поверхности че-
ловѣческаго тѣла» описаніе одного субъек-
та (до чрезвычайности схожаго съ однимъ
ура-тюбинскимъ махау), уродство котораго
было слѣдствіемъ разѣдающаго лишая (*lu-
rus*), г. Терентьевъ говоритъ: „весьма воз-
можно, что и здѣсь, въ Средней Азіи, не-
рѣдко за махао принимается *lurus*, такъ-
что можетъ быть нѣкоторые больные попа-
даютъ въ отшельники, въ махаоны, не со-
всѣмъ справедливо. Комплектованіе лепроз-
ныхъ кишлаковъ и, слѣдовательно, наблю-
деніе за выдѣленіемъ больныхъ изъ среды
здоровыхъ лежитъ на самихъ махаонахъ:
какъ только слухи о вновь заболѣвшемъ
достигли до лепрознаго кишлака, тотчасъ
же снаряжается депутація, которая и тре-
буетъ больного въ свою общину. Богатые
откупаются ежегоднымъ взносомъ отъ 50
до 100 руб., а бѣдные—покоряются, если
не убѣжденіямъ, то силѣ, и волей-неволей
водворяются въ средѣ махаоновъ. Трудно
сказать положительно: заразителна-ли эта
болѣзнь въ настоящее время? Прежде она
дѣйствовала эпидемически и передавалась
прикосновеніемъ; поэтому удаленіе боль-
ныхъ изъ среды общества было совершенно
основательно и справедливо. Теперь многіе
примѣры доказываютъ, что лепра перехо-

дять только наследственно, и напимѣрь, здоровый супругъ не заражается отъ больной жены. Спросятъ пожалуй: какъ же рискуетъ женщина выдти замужъ за прокаженного или, на оборотъ, здоровый мужчина жениться на больной? Дѣло весьма простое и потому неотвратимое: болѣзнь проявляется большею частью въ зрѣломъ возрастѣ, а молодежь часто на взглядъ совершенно здорова и потому храбро женится. Проказа, можетъ быть, гнѣздится въ крови многихъ изъ тѣхъ, у кого мы видимъ изуродованные ногти, исковерканное буграми и пупырями лицо и прочее. Но это уже можетъ быть ослабѣвшій отъ времени типъ, пугающій гораздо менѣе, чѣмъ, напимѣрь золотуха“.

М. А. Терентьеву нельзя отказать въ компетентности по вопросамъ изъ средне-азіатской жизни, о которыхъ онъ пишетъ: онъ долго жилъ въ Средней Азіи, насколько могъ—изучалъ край и, какъ плоды этого изученія, издалъ нѣсколько весьма интересныхъ сочиненій о русскомъ Туркестанѣ; но, мы не можемъ не замѣтить, что нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о махау не сходятся съ собранными нами при посѣщеніи ихъ. Г. Терентьевъ говоритъ, напимѣрь, что прокаженные были выселены въ кишлакъ Махау сорокъ лѣтъ тому

169

назадъ; между тѣмъ туземцы рассказываютъ, что ташкентскій Махау-кишлакъ существуетъ уже лѣтъ *двѣсти*. Равнымъ образомъ не сходится съ нашими свѣдѣніями и сообщеніе г. Терентьева о числѣ населенія кишлака: назадъ тому лѣтъ десять, по свидѣтельству полковника Пукалова, служившаго въ то время также въ Ташкентѣ, и именно въ томъ управленіи, которому подвѣдомо населеніе Бишъ-агачской части, гдѣ находится кишлакъ Махау,—всѣхъ махау было до 150 человѣкъ; съ того времени число ихъ, *постепенно уменьшавшееся*, дошло въ 1880 году до 52 человѣкъ. Про *постепенное* уменьшеніе прокаженнаго кишлачнаго населенія, безъ всякихъ колебаній въ противоположную сторону, говорили намъ и туземцы. Между тѣмъ г. Терентьевъ, предъ 1875 годомъ, нашелъ въ кишлакѣ Махау только 31 душу. Для рѣшенія вопроса, по нашему мнѣнію весьма интереснаго: дѣйствительно-ли число заболѣвающихъ проказою постепенно уменьшается и, слѣдовательно, можно-ли надѣяться, что населеніе кишлака, теперь весьма немногочисленное, наконецъ вымретъ окончательно, было бы, смѣемъ думать, не бесполезно, если бы мѣстный аксакалъ, нѣсколько разъ въ годъ, представлялъ кому слѣдуетъ поименный списокъ прокаженныхъ, съ обозначеніемъ въ

немъ: кто, когда и откуда прибылъ въ кишлакъ, сколько прибывшему лѣтъ, когда и послѣ сколькихъ лѣтъ пребыванія въ кишлакѣ умеръ, и т. под. Сбирать и доставлять эти свѣдѣнія, при малочисленности кишлачнаго населенія, совершенно не трудно, тѣмъ болѣе, что у махау есть свой имамъ, которому можно было бы, давъ предварительную программу, поручить это дѣло.

Вопросъ о потомствѣ, производимомъ махау, есть, по нашему мнѣнію, вопросъ болѣе важности, чѣмъ вопросъ о населеніи; но и здѣсь мы встрѣчаемся съ разнорѣчіями: г. Терентьевъ говоритъ, что махау, живя въ кишлакѣ, производятъ на свѣтъ себѣ-подобныхъ, „пораженныхъ проказою иногда со дня рожденія“ (*). Такое же мнѣніе, еще до появленія въ печати статьи г. Терентьева, укоренилось и въ русскомъ населеніи г. Ташкента, въ которомъ слышанные мною рассказы я привелъ въ началѣ настоящаго очерка. Между тѣмъ сами махау категорически заявили полковнику Пукалову, что дѣтей у нихъ нѣтъ и потомства отъ нихъ не бываетъ. Разрѣшить этотъ вопросъ весьма не трудно: стоить только заняться имъ,

(*) Въ 1869 году въ Махау-кишлакѣ было 29 человѣкъ взрослыхъ: такъ говоритъ г. Терентьевъ. А такъ какъ всѣхъ махау онъ нашелъ 31 человѣка, то, значитъ, въ числѣ ихъ было двое малолѣтнихъ.

165

собрать свѣдѣнія о жизни кишлачнаго населенія, хотя за послѣдніе десять лѣтъ.

Есть еще одно мѣсто въ статьѣ г. Терентьева, по поводу котораго намъ пришелъ на память разговоръ съ врачомъ М. Ф. Вознесенскимъ, происходившій осенью 1879 года (*). Между прочимъ, г. Терентьевъ говоритъ, что, желая доставить врачамъ случай ознакомиться съ болѣзнью, называемою по мѣстному *махау*, онъ, во время посѣщенія кишлака, посылалъ больныхъ въ ташкентскій госпиталь. Изъ разговора же съ г. Вознесенскимъ мы знаемъ, что, несмотря на сильное желаніе его залучить *махау* въ госпиталь, для производства наблюденій надъ такимъ интереснымъ субъектомъ, ему, до отъѣзда изъ Ташкента, такъ и не удалось изслѣдовать *махау* при госпитальной обстановкѣ. Интересуясь *живымъ* *махау*, М. Ф. Вознесенскій въ несравненно бѣльшей степени интересовался *махау мертвымъ*, т. е. трупомъ прокаженнаго, и желаніе имѣть этотъ трупъ, для анатомическихъ изслѣдованій, овладѣло г. Вознесенскимъ до такой степени, что убѣдившись въ невозможности достать трупъ *махау* прямымъ путемъ, т. е. выпросить его

(*) Позволяя себѣ упомянуть здѣсь имя М. Ф. Вознесенскаго, я извиняюсь передъ нимъ за нескромность.

у махау, которые въ этой выдачѣ могли и отказать, онъ собирался просить начальство дозволить ему, ради научныхъ цѣлей, взять трупъ тайно и, для вырѣтія его изъ могилы, отправиться на кладбище махау въ полночь, когда тамъ нѣтъ ни одной живой человѣческой души. Единственнымъ для этой ночной экскурсіи, но, по нашему мнѣнію, совершенно естественнымъ препятствіемъ представлялась ему масса бродящихъ по кладбищу одичалыхъ голодныхъ собакъ, благодаря которымъ непрошенный ночной посѣтитель могъ самъ превратиться въ трупъ... Получилъ - ли бы г. Вознесенскій подобное разрѣшеніе, намъ неизвѣстно, такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ временно оставилъ Туркестанскій край; но, въ виду тѣхъ высокихъ цѣлей, клонящихся къ благу человечества, которыя онъ преслѣдовалъ, мы вправѣ думать, что разрѣшеніе добыть ночью трупъ махау—было бы дано ему.

Въ цитированномъ сочиненіи г. Терентьева приведено мнѣніе кураминскаго уѣзднаго врача, который видѣнную имъ въ кишлакѣ Махау проказу опредѣлилъ сифилисомъ, осложненнымъ цынгою. Съ такимъ же мнѣніемъ мы встрѣчаемся и въ одной изъ статей д—ра Сатинскаго. Вотъ что говоритъ онъ ⁽¹⁾: „Въ Ташкентѣ, между туземнымъ

(1) Въ напечатанной въ Военно-медицинскомъ жур-

населеніемъ весьма нерѣдко встрѣчаются сифилиды въ различныхъ формахъ, но туземцы, по невѣжеству своему, смотрятъ на нихъ, какъ на болѣзни неизлечимыя, и относятъ ихъ къ проказѣ, которая также существуетъ въ Ташкентѣ. Недалеко отъ Ташкента, въ восьми верстахъ ⁽¹⁾, существуетъ поселеніе, куда, по распоряженію туземныхъ властей, посылались всѣ неизлечимо больные; большую часть изъ нихъ, какъ оказалось, составляютъ пораженные проказою и сифилидами; водворенные въ этомъ селеніи больные обыкновенно оставались безъ леченія, и имъ воспрещалось всякое общеніе съ здоровыми мѣстностями“.

Наконецъ о томъ же упоминаетъ и военно-медицинскій инспекторъ Туркестанскаго военнаго округа, въ своемъ отчетѣ по врачебной части Туркестанскаго генералъ-губернаторства за 1879 годъ ⁽²⁾. Вотъ подлинныя слова отчета: „изъ поступающихъ на леченіе болѣе преобладаютъ первичныя формы сифилиса, такъ какъ туземцы, по

налъ статья: „Ташкентская язва или сартовская болѣзнь пша-хурда (яманъ-джарагаты)“.

⁽¹⁾ Не въ восьми, а въ двухъ или трехъ верстахъ отъ русской части г. Ташкента

⁽²⁾ Отчетъ этотъ напечатанъ въ Туркест. Вѣдом. 1880 г., № 44, подъ заглавіемъ: „Санитарное состояніе Туркестанскаго края въ 1879 году“.

328

незнанію своему, не могутъ поставить въ связь общіе вторичные и третичные przypadки съ первичною язвою и, *принимая ихъ за проказу*, не стараются лечиться.“

Настоящая замѣтка написана не для врачей, которые, конечно, не встрѣтятъ въ ней чего либо для себя новаго, а для людей, не получившихъ медицинскаго образованія, которымъ, слѣдовательно, медицинскія сочиненія не всегда доступны и которые, тѣмъ не менѣе, если сколько нибудь заинтересовались ташкентскими махау, не откажутся выслушать замѣчанія ученыхъ относительно проказы, ея происхожденія и леченія. Поэтому я позволяю себѣ привести здѣсь выписку изъ сочиненія д—ра Неймана, который говоритъ о проказѣ (*Elephantiasis graecorum*), между прочимъ, слѣдующее: „уже между 10 и 15 годомъ жизни надъ бровями и на лицѣ показываются мѣдно-красныя пятна, которыя, прежде чѣмъ перейти въ туберкулезную форму, могутъ держаться цѣлые годы. Какъ предвѣстники болѣзни, описываются: необыкновенная усталость, неохота къ работѣ, мрачное настроеніе, меланхолическое выраженіе лица; впоследствии присоединяются боли въ суставахъ, костяхъ и мышцахъ; нерѣдко нервы опухаютъ на большомъ протяженіи и прощупываются въ видѣ шнурковъ. Пятна...

окрашены мѣдно-краснымъ цвѣтомъ и развиваются въ узлы. Послѣдніе полушаровидны или плоски, на конечностяхъ многочисленнѣе, чѣмъ на лицѣ и туловищѣ; большею же частію узлы располагаются на кистяхъ, рукахъ и стопахъ. Одновременно съ ними на слизистой оболочкѣ нѣба, гортани и на губахъ образуются папулы, имѣющія видъ кондиломъ. Узлы размягчаются и изъязвляются; иногда же кожа становится сухою, покрывается трещинами и морщинами. Изъязвленія постепенно распространяются въ глубину; мышцы, сухожилія и суставы разрушаются; кости, хотя не омертвѣваютъ, но, по разрушеніи мягкихъ частей, отпадаютъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ фаланги пальцевъ отпадаютъ одна за другою. Въ другихъ случаяхъ происходятъ различныя утолщенія кожи, причемъ ея поверхность покрывается чешуями. Слухъ, обоняніе и вкусъ теряются. Глаза также принимаютъ участіе въ процессѣ, роговая оболочка тучнѣетъ, глазное яблоко атрофируется. Во внутреннихъ органахъ точно также образуются язвы; бугорчатка легкихъ или кишекъ заканчиваетъ жизнь“.

Объясняя причины болѣзни, называемой проказою, д—ръ Нейманъ говоритъ: „между всѣми авторами господствуетъ мнѣніе, что существуетъ наслѣдственное расположе-

ніе къ elephantiasis, расположеніе, слабѣющее только при измѣненіи образа жизни и климата. Въ Норвегіи болѣзнь встрѣчается по преимуществу у рыбаковъ, которые живутъ въ дурныхъ помѣщеніяхъ и питаются дурнымъ мясомъ. Болѣзнь началась на болотистыхъ берегахъ Нила и теперь еще она эндемична главнымъ образомъ на островахъ и въ прибрежныхъ странахъ, на Мадагаскарѣ, Маврикіѣ, Мадейрѣ, Греческомъ архипелагѣ, на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, въ Крыму, въ Норвегіи, въ Гренландіи. Мать чаще передаетъ болѣзнь, чѣмъ отецъ. Иногда болѣзнь щадитъ нѣсколько поколѣній и потомъ снова появляется. Она рѣдко является до 7-го года жизни, большею же частію развивается послѣ періода полового развитія; если же она появляется до этого періода, то половое развитіе пріостанавливается. Мужчины заболѣваютъ чаще женщинъ“ (1).

Д—ръ Сатинскій, говоря, что съ проказою имѣетъ сходство (впрочемъ весьма непродолжительное, только въ началѣ болѣзни) такъ-называемая *сартовская болѣзнь* (пша-хурда), извѣстная не только сартамъ, но и русскимъ въ Туркестанѣ, изъ кото-

(1) Руководство къ изученію болѣзней кожи. Русскій переводъ, изданный въ 1871 году. Стр. 356—361.

рыхъ нѣкоторые перенесли эту болѣзнь на себѣ, далѣе поясняетъ: „общее разстройство организма и другія явленія проказы обыкновенно не оставляютъ сомнѣнія въ настоящей натурѣ новообразованія. Прокза задолго предшествуется предвѣстниками, состоящими въ различныхъ разстройствахъ какъ физической, такъ и психической сферы больныхъ. У нихъ обнаруживаются сильныя головныя боли, потеря сна, разстройство аппетита, боли въ животѣ, тошнота, иногда рвота, поносъ. Явленія эти, неправильно перемежаясь, дѣлаются то сѣльнѣе, то совсѣмъ затихаютъ. Затѣмъ появляется сильная гиперѣстезія, доходящая иногда до мучительныхъ болей. Слизистыя оболочки сухи и въ нихъ ощущается нестерпимый зудъ. Мѣста, подвергшіяся гиперѣстезіи, въ послѣдствіи, съ развитіемъ болѣзненнаго процесса, совсѣмъ утрачиваютъ чувствительность. Пятна, появляющіяся въ проказѣ.... сопутствуются сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ. Кромѣ страданій кожи и слизистыхъ оболочекъ, узловатая проказа обнаруживается также и мѣстнымъ пораженіемъ нервныхъ влагалищъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—хрящевой ткани и костей, отправленіе которыхъ разстраивается. Съ самаго начала болѣзни у одержимыхъ проказою замѣчаются тоска и рѣзкая раздражительность характера“.

Для леченія проказы предлагалось много средствъ, но, какъ говоритъ д—ръ Нейманъ, „всѣ средства остаются до сихъ поръ безъ успѣха“. Мнѣніе о неизлечимости проказы раздѣляетъ и д—ръ Сатинскій, по словамъ котораго „проказа не уступаетъ никакому леченію, а послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго теченія влечетъ за собою истощеніе и зависящія отъ него послѣдствія“.

Въ этомъ очеркѣ мы нѣсколько разъ встрѣчались съ указаніями на то, что туземцы, по незнакомству съ начальными признаками проказы и сифилиса, могутъ принимать и нерѣдко принимаютъ послѣдній за первую. Несчастныя послѣдствія этой ошибки ужасны: человѣкъ, заболѣвшій сифилисомъ, могъ бы, съ помощью своевременнаго и правильно продолжаемаго леченія, совершенно выздороветь и оставаться въ томъ обществѣ, гдѣ онъ родился и жилъ до болѣзни; но, принимая сифилисъ за проказу, отъ которой, какъ ему извѣстно, спасенія нѣтъ и которая лишаетъ его права на дальнѣйшее существованіе въ средѣ здоровыхъ, заболѣвшій вынужденъ безвозвратно и навсегда разстаться со всѣмъ тѣмъ, что ему дорого, и, удалившись въ кишлакъ прокаженныхъ, въ страшный для всѣхъ Махау-кишлакъ, доживать тамъ остальную свою, можетъ быть

весьма продолжительную жизнь, при медленномъ, но идущемъ прогрессивно, разрушеніи организма. Необходимо-ли сдѣлать что нибудь для того, чтобы въ Махау-кишлакѣ удалялись только тѣ субъекты, которые заболѣваютъ дѣйствительно *проказою*, а не *сифилисомъ*? Конечно—да, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Весь вопросъ, значитъ, состоитъ только въ томъ: *что* сдѣлать и *какъ* сдѣлать?

Въ настоящее время всѣ заболѣвающіе *проказою* (*проказою*—по мнѣнію самихъ заболѣвающихъ) идутъ въ Махау или по собственной инициативѣ, зная, что съ минуты появленія у нихъ признаковъ этой болѣзни, дальнѣйшая жизнь ихъ въ обществѣ уже невозможна, или же по требованію этого общества, которое относится къ прокаженнымъ съ отвращеніемъ и боязнью, изъ опасенія заразиться, и гонитъ ихъ изъ своей среды въ существующій спеціально для махау кишлакѣ на берегу р. Салара. Являются-ли хотя нѣкоторые изъ заболѣвающихъ къ врачу прежде отправленія въ кишлакѣ, мы не знаемъ, но надо полагать, что нѣтъ, ибо военно-медицинскій инспекторъ, въ упоминаемомъ выше отчетѣ, прямо говоритъ, что приводимая имъ цифра заболѣвшихъ въ 1879 году сифилисомъ и венерическою болѣзнію, именно 2403 чело-

вѣка, „едва-ли выражаетъ и десятую долю общаго числа заболѣваній, такъ какъ туземцы, не сознавая, по большей части, серьезности этой болѣзни, а часто и изъ ложнаго стыда, не обнаруживаютъ передъ врачомъ ея проявленій“. Слѣдовательно, для того, чтобы въ Махау-кишлакѣ отправлялись только одни прокаженные, а не сифилитики, нужно, чтобы люди, признавшіе себя заболѣвшими проказою, прежде ухода въ кишлакѣ Махау, являлись къ врачу и, послѣ объясненія врачомъ признаковъ болѣзни, направлялись по его указанію, т. е. или въ Махау, если они дѣйствительно прокаженные, или же въ госпиталь, если они сифилитики. Но такъ какъ ожидать, чтобы заболѣвшіе приходили къ врачу сами, безъ всякихъ понужденій, нѣтъ основанія, ибо, какъ говоритъ военно-медицинскій инспекторъ, ихъ будетъ удерживать отъ этого ложный стыдъ,—административныя же распоряженія окажутся въ этомъ случаѣ совершенно безсильными,—то необходимо, чтобы врачъ приходилъ къ заболѣвшимъ самъ. Понятно, что онъ можетъ дѣлать это только тогда, когда заболѣвшіе проказою или сифилисомъ, признавъ себя одержимыми первою изъ этихъ болѣзней, уже переселились въ Махау-кишлакѣ. Незначительность цифры населенія кишлака свидѣтельствуетъ о томъ, что чи-

сло переселяющихся туда ничтожно, и для врача не составит никакого затрудненія посѣтить Махау раза три или четыре въ годъ, дѣлая притомъ свои визиты не ранѣе того, какъ онъ, изъ доставляемыхъ аксакаломъ списковъ,—о полезности введенія которыхъ мы говорили выше,—увидитъ, что въ Махау прибылъ новый субъектъ, болѣзнь котораго необходимо опредѣлить и, смотря по тому, что окажется, или оставить его на мѣстѣ, какъ прокаженного и уже погибшаго безвозвратно, или же отправить въ госпиталь, какъ человѣка, по ошибкѣ принявшаго свою болѣзнь за проказу.

На основаніи 2 и 103 статей Городоваго Положенія, къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія принадлежитъ, между прочимъ, попеченіе объ охраненіи народнаго здравія и принятіе мѣръ къ *предупрежденію* и прекращенію заразительныхъ, поварьныхъ и *мѣстныхъ* болѣзней. Если бы ташкентская городская дума, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ей закономъ, а равно и изъ чисто гуманитарныхъ соображеній, приняла на себя заботу о предупрежденіи тѣхъ печальныхъ явленій въ жизни сартовскаго населенія города, о которыхъ говорилось выше и послѣдствіемъ которыхъ бываетъ иногда удаленіе въ кишлакъ Махау людей, одержимыхъ не про-

казою, а совершенно другими болѣзнями, принимаемыми за махау по ошибкѣ и незна-нію,—она сдѣлала бы доброе, хорошее дѣ-ло, и дала обществу право надѣяться, что махау, контингентъ которыхъ перестанетъ пополняться субъектами заболѣвающими не проказою, будутъ постепенно уменьшаться и наконецъ исчезнуть совершенно...

Заканчивая свой краткій очеркъ, мало-содержательность котораго обусловливается тѣмъ, что мы пробыли въ Махау-кишлакѣ *не больше часа*, я вспомнилъ про одну не-значительную и до нѣкоторой степени ве-селую подробность нашей поѣздки туда: одинъ изъ нашихъ спутниковъ, насмотрѣв-шійся на махау и наслушавшійся еще прежде разныхъ разсказовъ про нихъ и про возмож-ность зараженія отъ близкаго сосѣдства съ ними, по возвращеніи изъ Махау-киш-лака цѣлый день чувствовалъ какой-то зудъ на своемъ лицѣ и, подъ давленіемъ мысли о зараженіи, долго не могъ успокоиться...

Господа! если вы брезгливы и мнитель-ны—не ѣздите въ кишлакъ Махау...

Н. Дмитровскій.

1-го ноября,
1880 года.
